Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-312-318

БУЛАВКИН Александр Александрович,
профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московский ордена Почёта университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru.

КОСОВСКАЯ Дарья Вячеславовна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЧЕТВЕРОУС Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДРОППЕРСТВУ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ, МОШЕННИЧЕСТВА И СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы уголовно-правовой оценки дропперства после дополнения статьи 187 УК РФ частями 3-6. Основное внимание уделено разграничению самостоятельного неправомерного оборота средств платежей и соучастия в мошенничестве либо ином хищении. Обосновывается, что факт поступления похищенных денежных средств на подконтрольный лицу счет сам по себе не подтверждает наличие умысла на пособничество конкретному хищению. Определяющее значение имеют объем осведомленности лица о преступной схеме, функциональная роль платежного инструмента, момент возникновения договоренности с исполнителями и юридическая природа основного посягательства. На основе анализа первых примеров правоприменения 2025-2026 гг. предлагается авторский алгоритм квалификации и формулируются предложения для разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова: *дропперство, дроппер, неправомерный оборот средств платежей, электронное средство платежа, мошенничество, хищение, соучастие, пособничество, квалификация преступлений, статья 187 УК РФ.*

BULAVKIN Aleksandr Aleksandrovich,
Professor, Department of Law Enforcement Activities in Special Conditions, Specialized Training Educational and Scientific Complex, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

KOSOVSKAYA Daria Vyacheslavovna,
Lecturer, Department of Specialized Disciplines, Crimean Branch, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

CHETVEROUS Aleksey Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Firearms and Physical Training, Volgodonsk Branch, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

CRIMINAL-LAW PROBLEMS OF COMBATING DROPPER ACTIVITY: DISTINGUISHING ILLEGAL CIRCULATION OF PAYMENT INSTRUMENTS, FRAUD AND COMPLICITY IN CRIME

Annotation. *The article examines criminal-law assessment of dropper activity after Parts 3-6 were added to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research focuses on distinguishing an independent offence involving illegal circulation of payment instruments from complicity in fraud or another property offence. It is argued that the mere receipt of stolen funds into an account controlled by a person does not by itself prove intent to aid a particular theft. Decisive factors include the scope of the person's awareness of the criminal scheme, the functional role of the payment instrument, the time at which an agreement with the principal offenders arose, and the legal nature of the predicate offence. Drawing on the first enforcement examples of 2025-2026, the author proposes a qualification algorithm and suggestions for interpretative guidance by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

Key words: *dropper activity, dropper, illegal circulation of payment instruments, electronic means of payment, fraud, theft, complicity, aiding and abetting, qualification of crimes, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

С развитием обществ ни технологий все чаще наличный расчет уходит в прошлое и на его место приходит цифровизация расчетов, которая, несомненно, существенно изменила механизм преступлений против собственности. Во-первых, необходимо обратить внимание на тот факт, что в дистанционных хищениях функции нередко распределяются между несколькими лицами, одни устанавливают контакт с потерпевшим и вводят его в заблуждение, другие обеспечивают техническую инфраструктуру, третьи предоставляют банковские счета и электронные средства платежа, четвертые переводят, снимают или распределяют поступившие суммы. Во-вторых, можно сказать, что в результате платежная инфраструктура превратилась в самостоятельный элемент массовой дистанционной преступности, а лица, предоставляющие свои либо приобретенные у других граждан платежные инструменты для движения денежных средств, получили устойчивое обозначение «дропперы». По данным Банка России, в 2025 г. объем операций без добровольного согласия клиентов достиг около 29,3 млрд руб [15], что не тождественно статистике мошенничества, однако характеризует масштаб криминальных рисков в платежной сфере и объясняет необходимость специальной уголовно-правовой реакции. В связи с чем, на наш взгляд довольно своевременно законодателем была проявлена инициатива и Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ была дополнена частями 3-6 и примечаниями, установившими ответственность за передачу, приобретение и использование электронных средств платежа и доступа к ним для неправомерных операций. То есть законодатель тем самым вывел значительную часть дропперских действий из зоны, где их уголовно-правовая оценка ранее зависела главным образом от возможности доказать соучастие в конкретном хищении. Однако, так же необходимо отметить, что появление специальных составов не устранило конкуренцию норм, а, напротив, возникла новая проблема: одно и то же внешнее действие — передача карты, предоставление доступа к банковскому приложению, прием, перевод или снятие денежных средств — в зависимости от содержания умысла может образовывать самостоятельное преступление по ст. 187 УК РФ, пособничество мошенничеству или иному хищению, а в отдельных случаях — совокупность преступлений.

Поэтому, цель нашего исследования в

первую очередь состоит в формировании критериев разграничения самостоятельных форм дропперства и соучастия в преступлениях против собственности. И для ее достижения считаем необходимым определить уголовно-правовую природу новых составов, раскрыть значение осведомленности лица о преступной схеме, установить временную и функциональную связь дропперских действий с основным посягательством и предложить последовательный алгоритм квалификации. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системно-структурный методы, анализ законодательства, научных позиций и судебной практики. В данном контексте методологически значим и подход В. В. Шанько и Е. Г. Светличного, обращающих внимание на понятийные и методологические основания современного правопонимания [13, с. 64-67]. Что применительно к ст. 187 УК РФ требует рассматривать новую норму не изолированно, а во взаимосвязи с принципами вины, справедливости, правилами о соучастии и признаками конкретного хищения.

Хочется обратить внимание, что действующая конструкция ст. 187 УК РФ построена с учетом правового отношения лица к электронному средству платежа и характера совершаемого действия. Рассмотрим части статьи, введенные в 2025 году, как мы уже отмечали выше. Часть 3 предусматривает ответственность клиента оператора, который из корыстной заинтересованности передает предоставленное ему электронное средство платежа или доступ к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций. Часть 4 охватывает ситуацию, когда клиент сам осуществляет такие операции по указанию либо в интересах другого лица. Часть 5 распространяется на лицо, не являющееся стороной договора с оператором, которое из корыстной заинтересованности приобретает либо передает электронное средство платежа или доступ к нему для неправомерных операций. Часть 6 устанавливает ответственность такого лица за непосредственное осуществление неправомерной операции при отсутствии признаков незаконной банковской деятельности. То есть мы видим, что в частях 3-5 корыстная заинтересованность прямо названа обязательным признаком, тогда как в части 6 она текстуально не закреплена, что делает особенно важным точное установление умысла.

На наш взгляд, ключевое значение несомненно имеет примечание 3 к ст. 187 УК РФ, связывающее неправомерную операцию с переводом, выдачей или получением наличных денежных средств со счета, если они были зачислены без предусмотренных законом, иным правовым актом или сделкой оснований, поскольку одного факта передачи банковской карты третьему лицу или нарушения условий банковского обслуживания недостаточно. Здесь необходимо установить направленность поведения на совершение именно неправомерных операций. В связи с чем в современной литературе обоснованно обращается внимание на необходимость точного определения статуса электронного средства платежа и лица, его передающего либо использующего [7; 11; 12]. В тоже время, мы считаем, что для разграничения дропперства и соучастия формального анализа объективных признаков недостаточно: он не отвечает на вопрос, охватывалось ли умыслом лица совершение конкретного хищения.

Именно здесь возникает центральная проблема, поскольку предоставление банковского счета преступной сети объективно способно облегчить хищение, так как без канала приема и дальнейшего движения денежных средств реализация преступного плана часто затруднена, даже можно сказать технически невозможна. Поэтому в доктрине дропперство и рассматривается как специальная разновидность пособничества [8]. Однако, отметим, что криминологическая функция и юридическая форма ответственности не совпадают, поскольку соучастие по ст. 32 УК РФ предполагает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, а пособничество по ч. 5 ст. 33 УК РФ это сознательное содействие конкретному преступлению предоставлением информации, средств, устранением препятствий либо заранее данным обещанием скрыть преступника, следы или предметы, добытые преступным путем. Вопросы понятия и признаков соучастия специально исследуются А. А. Булавкиным и Э. Д. Коваленко [14, с. 76-87]. Из трудов которых для рассматриваемой нами темы принципиально, что объективная полезность счета для преступников сама по себе не тождественна умышленной совместности, здесь требуется доказать психическую связь дроппера с основным преступлением и понимание юридически значимого характера оказываемого содействия. И отсюда, по нашему мнению, следует необходимость разграничивать как минимум три уровня осведомленности. Первый уровень характеризуется отсутствием понимания противоправного назначения платежного инструмента, когда лицо может быть введено в заблуждение относительно характера операций, полагая, что передает реквизиты работодателю, помогает знакомому провести законный платеж либо предоставляет карту для иной правомерной цели. Таким образом при отсутствии доказательств умысла ответственность по ч. 3-6 ст. 187 УК РФ и за соучастие в хищении исключается. Второй уровень состоит в осознании неправомерного характера будущих операций без знания о конкретном основном преступлении. Как при-

мер здесь можно привести типичную ситуацию — передачу карты неизвестному «куратору» за вознаграждение при понимании, что она будет использоваться для незаконных переводов, но без представления о потерпевших, способе завладения деньгами и характере исходного преступления. Вот почему именно для подобных случаев специальные составы ст. 187 УК РФ имеют самостоятельное значение. Третий же уровень предполагает осознание содействия конкретному хищению либо устойчивой серии однородных хищений, когда лицу заранее известно, что счет предназначен для приема денежных средств, полученных путем обмана граждан или незаконного списания, оно понимает свою роль и желает обеспечить получение и дальнейшее движение похищенного.

То есть мы видим, что для признания дроппера пособником не требуется знания фамилии каждого потерпевшего или точной суммы ущерба, достаточно, чтобы умысел охватывал преступление в юридически значимых чертах. Нельзя подменять это требование общей осведомленностью о «сером» или незаконном характере платежей, поскольку неправомерная операция и хищение это не тождественные категории, через дропперские счета могут проходить средства, связанные с различными преступлениями и иными незаконными операциями и автоматическое признание владельца такого счета пособником каждого предикатного преступления фактически означало бы объективное вменение, запрещенное ст. 5 УК РФ. В то же время и обратный подход недопустим, поскольку лицо, заранее включенное в конкретную мошенническую схему, не должно освобождаться от ответственности за соучастие лишь потому, что его действия формально соответствуют одной из частей ст. 187 УК РФ. здесь субъективный критерий должен применяться вместе с функциональным, когда необходимо установить, какую роль платежный инструмент выполнял в преступном плане. К примеру если карта передавалась для неопределенного массива неправомерных операций, а ее владелец не был посвящен в механизм завладения чужими денежными средствами, преобладает самостоятельная квалификация по ст. 187 УК РФ, если же счет заранее определен как место приема денег от конкретного потерпевшего или от группы потерпевших по известной дропперу схеме, а дальнейший перевод является частью общего плана, такое поведение приобретает признаки пособничества. Функциональный критерий здесь позволяет отделить инфраструктурное обслуживание преступной среды от сознательного участия в конкретном посягательстве. Но, не менее важен и временной критерий, поскольку соучастие возможно лишь до юридического окончания основного преступления. Заранее обещанное предоставление счета, прием или перевод похищенных средств может образовывать пособничество, поскольку включается в общий преступный план. Однако, если же лицо впервые узнает о происхождении уже поступивших денежных средств после окончания хищения и ранее не обещало содействия, его действия не могут ретроспективно превратить его в пособника этого хищения, в такой ситуации вопрос об ответственности решается по ст. 187 УК РФ либо, при наличии соответствующих признаков, по иным нормам. И, несомненно, для безналичных денежных средств следует учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации о том, что хищение является оконченным с момента их изъятия со счета владельца, повлекшего причинение ущерба.

При этом, так же необходимо обратить внимание, что квалификация самого основного посягательства должна предшествовать оценке роли дроппера. Термин «дистанционное мошенничество» широко используется в практической речи, но не всякое дистанционное хищение юридически является мошенничеством, поскольку если потерпевший под воздействием обмана сам переводит деньги, возможно применение ст. 159 УК РФ, если же злоумышленник, получив конфиденциальные сведения, самостоятельно списывает средства без волевого действия потерпевшего, содеянное при соответствующих условиях может образовывать кражу. В свою очередь статья 159.6 УК РФ применяется тогда, когда завладение имуществом связано с вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Вот почему дроппер, заранее осведомленный о механизме незаконного списания и предоставивший счет для приема денег, при наличии умышленной совместности может быть пособником кражи, а не мошенничества, что позволяет нам сформулировать еще один критерий — предикатно-квалификационный, когда ответственность дроппера по правилам соучастия определяется только после установления юридической природы основного преступления.

Формирующаяся практика применения новых частей ст. 187 УК РФ подтверждает необходимость такого разграничения. Приведем несколько примеров. Приговором Семеновского районного суда Нижегородской области от 29 января 2026 г. по делу № 1-66/2026 лицо, которое приобрело банковскую карту и доступ к личному кабинету, а затем передало их пользователю мессенджера за вознаграждение, было осуждено по ч. 5 ст. 187 УК РФ [16]. По счету впоследствии совершалось множество переводов, однако установленная осведомленность о предназначении карты для неправомерных операций не была автоматически приравнена к доказан-

ности участия в конкретном хищении. Другим примером покажем приговор Симферопольского районного суда Республики Крым от 23 января 2025 г. по делу № 1-45/2025. Суд установил, что подсудимый посредством мессенджера Telegram вступил в предварительный сговор с лицами, специализировавшимися на дистанционных мошенничествах, предоставил реквизиты принадлежащей ему банковской карты для поступления похищенных денежных средств, а затем по указанию соучастников осуществлял их обналичивание и дальнейший перевод. Поскольку характер мошеннической схемы и отведенная ему роль были заранее известны подсудимому, его действия по двум эпизодам квалифицированы по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ как пособничество в мошенничестве, совершенном группой лиц по предварительному сговору в крупном размере [17]. Мы видим, что если сопоставить эти ситуации, то очевидно, что решающим здесь является не сам факт использования счета, а доказанный объем умысла. То есть очевидно, что конкуренция ст. 187 УК РФ и норм о соучастии, когда одно действие формально соответствует обеим моделям, особенно сложна. Возможны три решения: признать ст. 187 специальной нормой, всегда исключающей пособничество; применять совокупность; либо разграничивать случаи по наличию самостоятельного посягательства на порядок платежного оборота. И последний подход нам представляется наиболее соответствующим принципу справедливости, поскольку если единственным действием лица была передача конкретной карты для одного заранее известного хищения и эта передача полностью исчерпывается предоставлением средства его совершения, двойная квалификация создает риск повторной уголовно-правовой оценки одного фактического поведения. В тоже время если же лицо систематически приобретает и передает платежные инструменты для неопределенного круга неправомерных операций и одновременно в отдельных эпизодах сознательно содействует конкретным хищениям, самостоятельность объектов и фактических деяний может обосновывать совокупность.

В связи с этим нами предлагается последовательный алгоритм уголовно-правовой оценки, когда сначала необходимо установить правовой статус электронного средства платежа и лица, что позволяет разграничить ч. 3-4 и ч. 5-6 ст. 187 УК РФ. Затем определяется фактическая форма поведения — передача, приобретение, предоставление доступа либо непосредственное осуществление операции, и далее уже проверяется наличие неправомерной операции в смысле примечания 3 к ст. 187 УК РФ и корыстной заинтересованности там, где она прямо предусмотрена законом. После этого выявляется возможное основное преступление и способ завладения денежными средствами, устанавливается объем осведомленности дроппера по предложенной трехуровневой модели и выясняются момент возникновения договоренности и функция платежного инструмента в общем плане. Завершающий же этап заключается в разрешении конкуренции, если умысел ограничивался неправомерным платежным оборотом, применяется соответствующая часть ст. 187 УК РФ, если лицо заранее и сознательно предоставило средство для конкретного хищения, решается вопрос о соучастии, если же самостоятельное дропперское деяние выходит за пределы такого участия, возможна совокупность.

Считаем, что предложенный нами алгоритм имеет значение и для доказывания субъективной стороны, поскольку о содержании умысла могут свидетельствовать переписка с организатором, характер полученных инструкций, размер и способ расчета вознаграждения, неоднократность операций, просьбы скрывать назначение переводов, использование нескольких карт, срочное снятие средств, удаление сообщений и иные фактические обстоятельства. Однако, ни один из таких признаков сам по себе не заменяет установления предмета осознания, даже получение процента от переводов доказывает корыстную мотивацию, но не всегда показывает, понимало ли лицо, что содействует именно мошенничеству, краже либо иному конкретному преступлению. Поскольку именно совокупность доказательств должна позволять перейти от вывода о знании неправомерного характера операций к выводу об умышленной совместности.

Мы считаем, что с учетом новизны ч. 3-6 ст. 187 УК РФ приоритетным направлением представляется не очередное расширение уголовной репрессии, а формирование единообразных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, в которых целесообразно указать, что при решении вопроса об ответственности лица, передавшего электронное средство платежа или доступ к нему либо осуществившего неправомерную операцию, судам необходимо устанавливать, охватывалось ли его умыслом конкретное хищение. Осознание неправомерного характера операций и получение вознаграждения сами по себе не являются достаточными основаниями для признания лица соучастником хищения. Если же до окончания преступления лицо осознанно предоставило платежный инструмент именно для конкретного хищения либо заранее обязалось обеспечить прием, перевод, выдачу или получение похищенных средств, вопрос должен решаться с учетом ст. 32-35 УК РФ и квалификации основного посягательства. И дополнительное применение ч. 3-6 ст. 187 УК РФ может быть оправданно

лишь тогда, когда соответствующее деяние имеет самостоятельное уголовно-правовое содержание и не исчерпывается участием в конкретном хищении.

Таким образом, мы видим, что самостоятельная криминализация дропперства не устранила институт соучастия, а потребовала более точного разграничения смежных форм поведения, когда определяющим является содержание умысла лица, а не сам факт прохождения похищенных средств через подконтрольный ему счет. Для дальнейшей практики считаем целесообразным различать три уровня осведомленности: отсутствие понимания противоправного назначения платежного инструмента; знание о неправомерных операциях без осознания конкретного хищения; знание о конкретном преступлении либо индивидуализированной серии преступлений и желание содействовать им. Субъективный же критерий должен сочетаться с функциональным, временным и предикатно-квалификационным. Только такой подход позволяет, с одной стороны, не превращать ст. 187 УК РФ в основание для объективного вменения каждому номинальному владельцу счета, а с другой — не использовать специальные составы как способ необоснованного смягчения ответственности участников заранее согласованных мошеннических и иных преступных схем.

Список литературы:

[1] Зайцева О. В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 138-146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146..

[2] Васильева А. В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 279-287.

[3] Волчкова Э. А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность. 2025. № 4. С. 84-87.

[4] Шевченко А. А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 179-186.

[5] Сидоренко Э. Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8-17. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-8-17..

[6] Леонтьев И. С. Криминализация «дропперства»: анализ изменений статьи 187 УК РФ и проблемы правоприменения // Российский следователь. 2026. № 3. С. 42-45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45..

[7] Антонов Ю. И., Костиков А. Д. Об уголовной ответственности за дропперство (чч. 3-6 ст. 187 УК РФ) // Образование и право. 2026. № 1. С. 760-766.

[8] Копьёва И. А. Дропперство как специальный вид пособничества преступлению, совершенному с использованием информационно-телекоммуникационных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2. С. 110-116.

[9] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Применение актуальной редакции ст. 187 УК РФ: некоторые проблемы обратной силы уголовного закона // Администратор суда. 2026. № 2. С. 38-42. DOI: 10.18572/2072-3636-2026-2-38-42..

[10] Майстренко Г. А. Дропперство в системе преступлений против порядка безналичных расчетов: уголовно-правовая квалификация и процессуальное доказывание // Право и управление. 2026. № 5. С. 260-266. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266..

[11] Кузмин С. А. О некоторых проблемах уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей по российскому законодательству // Право и управление. 2026. № 6. С. 297-302. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-297-302..

[12] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Дискуссионные аспекты признания электронных средств и электронных носителей информации предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ // Российский судья. 2024. № 4. С. 13-18.

[13] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64-67. EDN: UQHBBU.

[14] Булавкин А. А., Коваленко Э. Д. Понятие и признаки соучастия в преступлении в уголовном праве // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2025. № 4 (6). С. 76-87. EDN: OKDNQG.

[15] ЦБ: объем похищенных мошенниками средств в 2025 году превысил 29 млрд рублей, URL: https://www.kommersant.ru/doc/8438895.

[16] Приговор № 1-201/2025 1-66/2026 от 29 января 2026 г. по делу № 1-201/2025, URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZSUoi068iYK/.

[17] Приговор № 1-45/2025 1-558/2024 от 22 января 2025 г. по делу № 1-45/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6cXZwe1xlzgW/.

References:

[1] Zaitseva O. V. Criminal liability of droppers: for and against // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 6 (161). S. 138-146. DOI: 10.

24412/2227-7315-2024-6-138-146..

[2] Vasilyeva A. V. Droppers in the cybercrime system: criminal law problems of qualification and prospects for legislative regulation // Issues of Russian justice. 2025. № 37. S. 279-287.

[3] Volchkova E. A. Validity of criminal liability for droppery and ways to improve it // Science. Education. Modernity. 2025. № 4. S. 84-87.

[4] Shevchenko A. A. Ways of involving minors in droppery // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (107). S. 179-186.

[5] Sidorenko E. L. The fight against droppery: key tasks of criminal policy and issues of qualification of acts // Magistrate. 2025. № 12. S. 8-17. DOI: 10. 18572/2072-4152-2025-12-8-17..

[6] Leontiev I. S. Criminalization of "droppery": analysis of amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and problems of law enforcement // Russian investigator. 2026. № 3. S. 42-45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45..

[7] Antonov Yu. I., Kostikov A. D. On criminal liability for droppery (ch. 3-6 Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Education and law. 2026. № 1. S. 760-766.

[8] Kopyova I. A. Droppery as a special type of aiding a crime committed using information and telecommunication means // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2. S. 110-116.

[9] Bykova E.G., Kazakov A.A. Application of the current version of Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: some problems of the retroactive effect of the criminal law // Court administrator. 2026. № 2. S. 38-42. DOI: 10.18572/2072-3636-2026-2-38-42..

[10] Maistrenko G. A. Droppery in the system of crimes against the procedure of non-cash payments: criminal legal qualification and procedural evidence // Law and management. 2026. № 5. PP. 260-266. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266..

[11] Kuzmin S. A. On some problems of criminal liability for illegal circulation of means of payment under Russian law // Law and management. 2026. № 6. S. 297-302. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-297-302..

[12] Bykova E. G., Kazakov A. A. Discussion aspects of the recognition of electronic means and electronic media as the subject of a crime under Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian judge. 2024. № 4. S. 13-18.

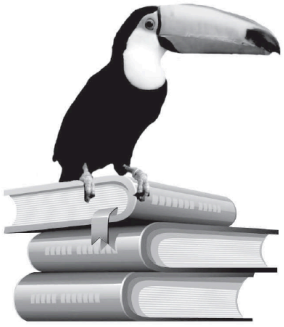
[13] Shanko V.V., Svetlichny E.G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-67. EDN: UQHBBU.

[14] Bulavkin A. A., Kovalenko E. D. The concept and signs of complicity in a crime in criminal law // Bulletin of Donbass State University of Justice. 2025. № 4 (6). S. 76-87. EDN: OKDNQG.

[15] Central Bank: the volume of funds stolen by fraudsters in 2025 exceeded 29 billion rubles, URL: https://www.kommersant.ru/doc/8438895.

[16] Sentence # 1-201/2025 1-66/2026 of January 29, 2026 in case # 1-201/2025, URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZSUoi068iYK/.

[17] Verdict No. 1-45/2025 1-558/2024 of January 22, 2025 in Case No. 1-45/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6cXZwe1xlzgW/.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.